
УДК 316.44

ТОРОТОВА А.М.* НЕРАВЕНСТВО В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ: СТРУКТУРНЫЕ АСПЕКТЫ И ПРИЧИНЫ ФОРМИРОВАНИЯ. (Обзор). DOI: 10.31249/rsoc/2022.02.08

Аннотация. В настоящем обзоре представлены статьи российских исследователей о влиянии цифровизации общества на формирование неравенства. В рамках исследований о цифровом неравенстве авторами работ, включенных в информационно-аналитический бюллетень «Структурные аспекты цифрового неравенства» (2021), были рассмотрены проблемы цифровой сегментации, гендерный и другие аспекты данной проблемы.

Ключевые слова: цифровизация; цифровая сегментация; цифровые технологии; цифровое неравенство; гендерное неравенство; гендерный разрыв; профессиональная дифференциация; Интернет; социальная мобильность.

TOROTOEVA A.M. Inequality in the digital society: structural aspects and causes. (Literature review).

Abstract. This review presents research papers on the topic of the impact of the digitalization of society on the formation of inequality. The works included in the information and analytical bulletin «Structural aspects of the digital divide» (2021) focus the reader's attention on the problems of digital segmentation and on gender and other aspects of it.

Keywords: digitalization; digital segmentation; digital technology; digital inequality; gender inequality; gender gap; occupational differentiation; Internet; social mobility.

---

* Торотова Айыына Михайловна – младший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: aiyuна95@gmail.com

Для цитирования: Торотоева А.М. Неравенство в цифровом обществе: структурные аспекты и причины формирования. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2022. – № 2. – С. 110–120.
DOI: 10.31249/rsoc/2022.02.08

Внедрение новых технологий является предметом активного обсуждения в научных кругах, так как процесс цифровизации затронул практически все сферы социальной жизни. Использование и дальнейшее развитие технологий создают условия для формирования общества нового типа, в котором многие функции автоматизированы, а участие человека сводится лишь к контролю и обслуживанию машин. Несмотря на то что механизмы цифровизации ускоряют и облегчают трудовой процесс, сокращают риски, связанные с человеческим фактором, они также создают усугубляющие социальное неравенство условия. Об этой проблеме и возможностях ее преодоления идет речь в очередном выпуске информационно-аналитического бюллетеня «Структурные аспекты цифрового неравенства» (2021) Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ФНИСЦ РАН).

Открывает выпуск обстоятельная, фундированная работа члена-корреспондента РАН М.Ф. Черныша (Институт социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва) «Цифровизация и неравенство», в которой автор рассматривает ряд теоретических подходов для эффективной оценки возможных последствий цифровизации современного общества [Черныш, 2021]. Автор статьи полагает, что последствия цифровизации могут негативно повлиять на привычный уклад жизни.

Для лучшего понимания этих опасений М.Ф. Черныш предлагает воспользоваться теорией риска У. Бека, центральное место в которой занимает понятие катастрофы, которое Бек определяет, с одной стороны, как катастрофическое последствие применения новых технологий, а с другой – как деградацию общественной жизни, связанную с неконтролируемым распространением и применением этих технологий [там же, с. 5–6]. Так, любое общество с высоким уровнем цифровизации чрезмерно полагается на электроэнергию, отсутствие которой может остановить работу всех систем, что может привести к остановке всех процессов в обществе:

не будет возможности использовать денежные средства, реализовывать бюрократические процедуры и т.п.

В контексте изучения темы неравенства и его трансформации Черныш предлагает рассмотреть концепты «организованная безответственность» и «незнание», имеющие важную роль в теории рисков [Черныш, 2021, с. 7]. Бек считал, что безответственность приобрела новую, отличную от предыдущей форму, главной характеристика которой была дезорганизованность. Она эволюционировала в так называемый продукт работы институтов, призванных поддерживать порядок в обществе, основные сферы жизни которого нуждаются в постоянном наблюдении и при необходимости вмешательстве с их стороны. Социальные институты стали таким же источником безответственности, как и люди, что привело к вполне ожидаемым проблемам: нормы, принимаемые этими институтами, не соответствуют в полной мере возлагаемым на них требованиям и, как следствие, приводят к беспорядку в связи с недальновидными административными решениями. Последствия этих решений могут проявиться через довольно продолжительный период времени и тем самым создавать беспорядок в обществе будущего.

М.Ф. Черныш отмечает, что такой подход Бека был принят социологами по-разному. Хотя многие соглашались с его тезисом о связи новых технологий с трансформацией общества, алармизм, свойственный его теории, имел серьезные расхождения с оптимистичными взглядами, преобладавшими в общественной науке в конце прошлого столетия [там же]. Мировое сообщество, ставшее свидетелем конца противостояния двух гегемонов, спада напряженности на международной арене, распространения новых технологий и последовавшего за ним развития, имело довольно высокие ожидания от будущего, которое на тот момент четко ассоциировалось с процветанием и большими возможностями для всех. Этому способствовало и научное сообщество: стоит, в частности, вспомнить идеи Ф. Фукуямы, чье видение нового либерального порядка как оптимального и конечного для всех обществ социального устройства соответствовало царившим в то время настроениям [там же]. Теория Бека, построенная вокруг вероятных угроз, связанных с развитием технологий, ожидаемо столкнулась с критикой: развитие и распространение новых технологий не может

не создавать определенные риски, но так или иначе грамотный подход к применению и контроль со стороны гражданского общества над инновациями должны эти риски сократить.

Кроме того, М.Ф. Черныш напоминает, что концепт незнания, по У. Беку, определяет содержание современной эпохи, т.е. того периода, когда появилась необходимость признать, что наука так или иначе не способна изучить все [Черныш, 2021, с. 8]. Это касается не только естественных, но и общественных наук, которые не могут даже при самом детальном изучении определенного вопроса исключить вероятность того, что существуют иные подходы с более надежной доказательной базой. Следует признать господство принципа неполноты в науке, который необходим при изучении таких противоречивых тем, как, например, цифровизация. Блага, которые приносит развитие технологий, могут также стать причиной появления серьезных проблем, в корне меняющих установленный порядок вещей. Например, внедрение новых технологий в сфере здравоохранения, безусловно, можно оценивать положительно с точки зрения повышения точности и скорости диагностики различных заболеваний, что дает возможность предоставления заблаговременной медицинской помощи. Тем не менее, как отмечает М.Ф. Черныш, это сказывается на качестве профессиональных компетенций современных специалистов, чьи знания и умения во многом «опираются» на технические приспособления, в то время как врачи старой школы в силу жизненного и профессионального опыта обладают более тонкой интуицией и способностью самостоятельно добывать ценную для их работы информацию [там же, с. 9]. Другим примером, по словам М.Ф. Черныша, может служить сфера образования и научной деятельности, в которой нередко применяются математические алгоритмы для оценивания квалификации преподавателей и исследователей.

Подобные инновации в некоторых странах не ограничиваются профессиональной деятельностью человека – например, в Китае система оценивания внедрена и в социальную жизнь населения. Получивший широкую известность в силу своей спорной эффективности «социальный кредит» создает условия для ограничения возможностей продвижения по социальной лестнице, причем не только для того, кого оценивают, но и для его детей (система кредита влияет на получение качественного образования детей)

[там же, с. 11]. Китайская система «социального кредита», как с сожалением констатирует автор статьи, нередко ограничивает гражданские права населения и тормозит развитие правового общества в стране. Такое положение дел дает немало оснований для критики чрезмерной цифровизации, ведь никто не гарантирует безошибочную работу того или иного алгоритма.

От происходящих в обществе изменений зависит степень интенсификации использования цифровых технологий. Например, пандемия COVID-19 стала причиной ускоренного внедрения цифровых технологий – распространение практик дистанционного образования и работы привело к популяризации новых форм занятости и существенной трансформации рынка труда [там же, с. 14].

Таким образом, резюмирует М.Ф. Черныш, новые цифровые технологии оказывают существенное влияние на то, как устроено и функционирует общество. Современной социологии все еще предстоит определить риски и эффекты цифровизации в их приложении к разным формам неравенства.

Одним из негативных последствий стремительного развития новых технологий является сегментация интернет-пользователей, которая создает условия, отрицательно влияющие на создание общественного диалога. С.А. Коротаев (Институт социологии ФНИСЦ РАН, НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва) в своей статье «Цифровая сегментация как механизм связи социальной и идеологической позиций» рассматривает медиа-предпочтения граждан России [Коротаев, 2021]. Исследователи политического поведения уделяют особое внимание средствам массовой информации как важнейшему инструменту формирования общественного мнения и манипуляции предпочтениями граждан. Стоит отметить, что возрастание роли СМИ как канала трансляции определенных политических взглядов началась еще до появления Интернета, однако его развитие лишь усугубило давно назревающую проблему сегментации в информационном пространстве, в котором аудитория делится на множество отдельных изолированных групп.

Автор статьи отмечает, что в недавнем прошлом практически все общество существовало в едином информационном поле, в котором источником информации служили крупные печатные издания и телевизионные каналы, формировавшие общую для всех

повестку и реальность [там же, с. 18]. Достоверность транслируемой информации в случае «старых» медиа, как правило, особо не подвергалась сомнению, так как альтернативных источников информации на тот момент практически не существовало. Развитие интернет-технологий дало возможность свободного доступа к разного рода информации. Интернет-пользователь может свободно выбирать комфортную для него информацию, отфильтровывая ту, что не вызывает у него интереса или не соответствует его взглядам. Такая свобода выбора, безусловно, имеет положительные стороны, однако она также приводит к определенным ограничениям в информационно-цифровом пространстве. Стремление человека подтвердить свою правоту и желание существовать в комфортной для него среде могут привести к формированию вокруг него ограниченных областей цифрового пространства, так называемых эхо-камер, в которых сосуществуют единомышленники, разделяющие определенную точку зрения [Коротаев, 2021]. С.А. Коротаев ссылается на взгляды К. Санстейна, согласно которым фрагментация интернет-пространства приводит к поляризации общества, что, в свою очередь, лишает членов различных социальных групп возможности получить и усвоить альтернативную информацию, необходимую для формирования объективной оценки реальности. Недостоверная информация в эхо-камерах, как правило, не встречает адекватной критики и лишь больше распространяется в пределах группы. Такая ситуация может привести к развитию радикальных идей и впоследствии, в силу отсутствия диалога между социальными группами, способна угрожать демократическому государственному устройству. Позиция Санстейна подтверждается и эмпирическими данными: люди склонны предпочитать ту информацию, которая соответствует их убеждениям. Интернет-алгоритмы формируют «фильтрационный пузырь», в котором пользователь изолирован от альтернативной информации [там же, с. 19]. Впрочем, представления об информационной изолированности близких по убеждениям социальных групп иногда преувеличены, отмечает автор статьи: так, в одной группе друзей могут сосуществовать различные политические взгляды.

Вопрос формирования политических предпочтений рассмотрен в литературе достаточно подробно, и автор приводит в качестве примера ряд общепринятых моделей их формирования. Со-

гласно утилитарной модели, выбор человека падает на наиболее выгодную ему политическую позицию. В то время как социализационная модель отводит важнейшую роль в формировании политических предпочтений семье. По словам автора статьи, данную модель проблематично применять по отношению к населению постсоциалистических государств, так как в этих обществах политические традиции пока еще находятся в стадии формирования. При изучении политических предпочтений жителей постсоциалистических стран С.А. Коротаев предлагает опираться на исследования, посвященные сегментам медиапотребителей. Например, результаты седьмой волны опроса World Values Survey (в 2017 г.) в России показали, что политические взгляды россиян тесно связаны с предпочитаемыми ими источниками информации, прежде всего речь идет о ТВ или Интернете [Коротаев, 2021, с. 21], т.е. впору говорить о поляризации российского общества, условно распавшегося на «телезрителей» и «интернет-потребителей».

Очевидно, что в современном мире, в котором информация имеет стратегическую ценность, роль источников информации сложно переоценить; их значение возрастает в периоды социальной напряженности и конфликтов, наподобие того, который мы наблюдаем сегодня в российско-украинских отношениях. В сегодняшних условиях идеи, представленные в работе С.А. Коротаева, приобретают особую ценность.

В рамках исследования проблем цифрового неравенства уделяется особое внимание его связи с другими видами неравенства, в том числе гендерным. Этой теме посвящена статья «Цифровое неравенство интернет-пользователей в России и Европе: гендерный аспект» Н.С. Ворониной (Институт социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва) [Воронина, 2021]. По справедливому замечанию Н.С. Ворониной, в современном обществе цифровая грамотность уже более не является навыком, доступным лишь узкому кругу лиц, и относится к базовым компетенциям, необходимым для трудоустройства. У кандидатов с развитыми цифровыми навыками больше шансов устроиться на хорошо оплачиваемую работу или достичь достойной позиции в карьере. В то же время существует необходимость отметить, что доступ к цифровым технологиям все еще остается неравным [там же, с. 29].

Исследователи считают, что гендерное неравенство в серьезной степени подверглось влиянию цифровой революции. Женщины в среднем имеют меньше возможности для доступа к Интернету, чем мужчины, и у них менее развиты цифровые компетенции. Одна из основных причин этого – традиционные представления о распределении гендерных ролей в обществе и распространение гендерных стереотипов о способностях женщин в области компьютерных технологий, замечает Н.С. Воронина. Впрочем, такое положение вещей не повсеместно: если в государствах постсоветского пространства патриархальные взгляды по-прежнему широко распространены, то в странах Запада ситуация с гендерным равенством обстоит гораздо лучше [Воронина, 2021, с. 30]. Другим фактором, влияющим на развитие гендерного цифрового неравенства, является двойной «рабочий день» для женщин: помимо своей профессиональной карьеры, большинство женщин заняты домашним хозяйством и заботой о семье.

Однако не все исследователи согласны с тезисом, что гендерное неравенство оказывает существенное влияние на цифровое. Автор ссылается на Б. Бимбера, который, считая преувеличенным вклад гендерной составляющей в цифровое неравенство, отводит более важную роль другим социально-демографическим характеристикам женщины, в том числе образованию. Н.С. Воронина, в свою очередь, опровергает данный тезис, замечая, что в России женщин с высшим образованием больше, чем мужчин, но цифровое неравенство в нашем обществе все еще заметно [Воронина, 2021, с. 34]. Тем не менее необходимо учесть, что в отечественной социологии эмпирических исследований на данную тему явно недостаточно, поэтому не стоит полностью отвергать позицию Бимбера. По словам Н.С. Ворониной, в России, как и в ряде других стран, частота использования Интернета коррелирует с комплексом социально-демографических и экономических факторов: на статистически значимом уровне она прежде всего связана с возрастом, доходом, местом проживания (типом поселения) и уровнем образования респондентов [там же, с. 47]. Кроме того, «между переменными, отражающими гендерное неравенство и цифровое неравенство в России, есть связь: чем более респонденты обоих полов разделяют патриархальные установки, тем меньше они пользуются Интернетом» [там же, с. 48].

Также представляется интересной статья А.С. Смирновой «Сетевые факторы профессиональной дифференциации» (Институт социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва), в которой рассматриваются влияние новых технологий на трансформацию рынка труда и ее возможные последствия [Смирнова, 2021]. По словам автора статьи, сегодня практически любая экономическая деятельность подразумевает использование компьютерных технологий; это способствует появлению новых нестандартных форм занятости. Немаловажную роль в активной цифровизации последних лет сыграла пандемия COVID-19, в условиях которой появился значительный спрос на навыки работы на компьютере, приобрели популярность профессии, связанные с IT-сферой. В частности, в России пандемия способствовала росту числа удаленных работников – 26% всех занятых против 3,6% до пандемии. По состоянию на сентябрь 2021 г. удаленно работали 4–5% занятого населения России, что составляет примерно 3 млн человек [там же, с. 54]. Практика перевода работников на удаленную работу во многом оказалась привлекательной для работодателей из-за сокращения издержек на аренду и оборудование.

Автор статьи выделяет три уровня цифрового неравенства: неравенство физического доступа, неравенство навыков и пользования, неравенство результатов использования Интернета. Если характеристика двух первых уровней находится в их определении, то цифровое неравенство третьего уровня представляет собой более комплексное явление. Оно напрямую влияет на возникновение социальных преимуществ в зависимости от навыков владения современными технологиями [Смирнова, 2021, с. 58]. Автор, ссылаясь на данные массового опроса почти 5,5 тыс. россиян (29-я волна RLMS), выделяет две группы по принципу использования Интернета в рабочих целях. Как оказалось, Интернетом для работы пользовались 65,8% респондентов, а не пользовались – 34,2% [там же, с. 59]. Большинство людей, пользующихся Сетью в профессиональных целях, являются представителями среднего класса и обладателями высокого социального статуса, тогда как не используют Интернет на работе преимущественно рабочие и представители сферы торговли и услуг [там же, с. 69]. Это доказывает тезис о прямом влиянии цифровизации на формирование социального неравенства.

Наконец, завершает данный выпуск ИНАБ статья Ю.Б. Епихиной «Социальная мобильность IT-специалистов» (Институт социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва), в которой анализируется роль цифровых технологий в развитии социальной структуры современного общества [Епихина, 2021]. В своей работе Ю.Б. Епихина исходит из предположения основоположников марксизма о том, что социальная революция следует за технологической, а изменения в производстве неизменно влекут за собой перемены и в самой структуре общества [там же, с. 74].

С переходом к постиндустриальному обществу в социальных науках появились исследования влияния цифровых технологий на трансформацию рынка труда и того, каким образом развитие новых видов деятельности сказывается на заработной плате. Ю.Б. Епихина ссылается на исследования паттернов мобильности, характерных для различных профессий, главным образом разделяя их на традиционные и новые. Численность представителей новых, связанных с компьютерными технологиями профессий продолжает расти, что повышает актуальность и значимость подобных исследований. У специалистов в сфере IT показатели межпоколенной мобильности выше, чем у юристов и врачей, типичных представителей «традиционных» профессий. Юридические и медицинские специальности, как следует из ряда социологических опросов, преимущественно осваивают выходцы из семей с высоким социально-экономическим статусом, «извне» в эти профессии входит достаточно небольшой процент людей, в то время как получение IT-образования в меньшей степени связано с «наследственным» фактором; впрочем, во всех трех случаях первоочередную роль играет внутрисемейное окружение.

Ю.Б. Епихина подчеркивает, что обновление рынка труда, связанное с появлением новых профессий, благотворно влияя на социальную мобильность, создает новые возможности для различных социальных групп [Епихина, 2021, с. 77]. Особый, требующий дополнительного изучения вопрос, которым задается Ю.Б. Епихина, сформулирован следующим образом: «Почему в России... профессиональная группа IT-специалистов не отличается большей открытостью в сравнении с “традиционными” профессиями?» [там же, с. 83]. На ее взгляд, это прежде всего связано с отсутствием в нашем обществе соответствующей институциональной среды и

недостаточной вовлеченностью некоторых секторов отечественной экономики в ИТ-сферу [там же, с. 83].

Резюмируя, необходимо отметить, что появление новых технологий побуждает современные социальные науки находить новые способы исследования трансформации цифрового общества. Авторы рассматриваемого сборника, солидаризируясь с утверждением о том, что цифровизация – это один из этапов развития современного социума, пытаются ответить на вопрос о том, стоят ли блага цифровизации порождаемых ими рисков. На наш взгляд, представленные в бюллетене работы успешно приближают к ответу на этот полемический вопрос. В целом обществу эпохи поздней современности свойственно более трезво оценивать последствия социальной цифровизации, не поддаваясь эйфории от появления не виданных ранее возможностей.

Список литературы

Воронина Н.С. Цифровое неравенство интернет-пользователей в России и Европе : гендерный аспект // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Структурные аспекты цифрового неравенства / Черныш М.Ф., Коротаев С.А., Воронина Н.С., Смирнова А.С., Епихина Ю.Б. – 2021. – № 4. – С. 28–51.

Епихина Ю.Б. Социальная мобильность ИТ-специалистов // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Структурные аспекты цифрового неравенства / Черныш М.Ф., Коротаев С.А., Воронина Н.С., Смирнова А.С., Епихина Ю.Б. – 2021. – № 4. – С. 74–85.

Коротаев С.А. Цифровая сегментация как механизм социальной и идеологической позиций // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Структурные аспекты цифрового неравенства / Черныш М.Ф., Коротаев С.А., Воронина Н.С., Смирнова А.С., Епихина Ю.Б. – 2021. – № 4. – С. 17–27.

Смирнова А.С. Сетевые факторы профессиональной дифференциации // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Структурные аспекты цифрового неравенства / Черныш М.Ф., Коротаев С.А., Воронина Н.С., Смирнова А.С., Епихина Ю.Б. – 2021. – № 4. – С. 52–73.

Черныш М.Ф. Цифровизация и неравенство // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Структурные аспекты цифрового неравенства / Черныш М.Ф., Коротаев С.А., Воронина Н.С., Смирнова А.С., Епихина Ю.Б. – 2021. – № 4. – С. 4–16.